

Кухня и дача: продуктивные пространства советской математики¹

Слава Герович (р. 1963) – преподаватель Массачусетского технологического института, историк советской науки и техники, автор книг «From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics» (2002), «Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space» (2014).

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Выходя за пределы «лабораторной жизни» в официальных научных институтах, историки советской науки начали вовлекать в круг своих исследований более разнообразные формы бытования науки, включая повседневность, научный быт и частную жизнь ученых². Фокус внимания переносится на такие виды научной деятельности, как неформальные собрания, кружки, подпольные и домашние семинары, перипатетические дискуссии во время прогулок на природе. В таких ситуациях научные связи тесно сплетаются с дружескими и семейными отношениями, научным патронажем, социальной интеграцией учеников и соавторов. Обширные социальные сети соединяют специалистов из разных научных дисциплин, а их общение выходит за пределы чисто академических вопросов и касается широкого круга политических, социальных и культурных проблем.

Подобные параллельные формы научной жизни существовали всегда; два знаменитых примера: зарождение группы Бурбаки в парижском кафе в середине 1930-х и создание «Шотландской книги» задач группой математиков во львовском «Шотландском кафе» в 1930–1940-е³. В определенные исторические моменты эти формы приобретают настолько существ-

- 1 Авторский перевод статьи: GEROVITCH S. *The Kitchen and the Dacha: Productive Spaces of Soviet Mathematics* // *Studia Historiae Scientiarum*. 2024. Vol. 23 (DOI: 10.4467/2543702XSHS.24.004.19577). Статья написана на основе доклада, прочитанного в Праге на конференции «“Minority science” in the Short 20th Century: Imagining Science from the Margins of Academia» («“Наука меньшинств” в коротком XX веке: представление о науке на задворках академических кругов»), 30 марта – 1 апреля 2023 года; конференция организована Институтом имени Масарика и Архивом Академии наук Чешской Республики (Прага). Ранние версии этого исследования были представлены на нескольких форумах: Коллоквиуме по истории российской и советской науки (CHORUS) (май 2021 года, онлайн), 26-м Международном конгрессе по истории науки и техники (июль 2021 года, онлайн), конференции «История науки и техники. Музейное дело» (декабрь 2021 года, онлайн). Автор глубоко признателен участникам этих конференций и анонимным рецензентам за чрезвычайно полезные комментарии и предложения.
- 2 АЛЕКСАНДРОВ Д. *Историческая антропология науки в России* // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22; ROGACHEVA M. *The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- 3 BEAULIEU L. *A Parisian Café and Ten Proto-Bourbaki Meetings (1934–1935)* // *The Mathematical Intelligencer*. 1993. Vol. 15. № 1. P. 27–35; MAULDIN R.D. *The Scottish Book: Mathematics from the Scottish Café*. Boston: Birkhäuser, 1981.

венное значение, что начинают конкурировать с официальными институтами научного сообщества, подобно «Летучему университету» в Варшаве в конце XIX века, где преподавали запрещенные предметы и куда принимали тех, кто не имел доступа в обычные учебные заведения (например женщин)⁴.

В данной статье утверждается, что именно такая ситуация сложилась в советской математике, где возникшие неформальные сообщества, организационные структуры, формы образования, способы коммуникации и исследовательские программы во многом определили специфический характер позднесоветской математики и связанных с ней дисциплин.

Эта тенденция впервые возникла вскоре после смерти Сталина, когда научное сообщество начало самоорганизовываться, создавать междисциплинарные альянсы и пытаться реформировать сталинскую систему организации науки, реабилитируя ранее запрещенные научные теории, например, генетику и кибернетику, создавая сеть специализированных физматшкол и расширяя международные связи⁵.

Неформальные сообщества, организационные структуры, формы образования, способы коммуникации и исследовательские программы во многом определили специфический характер позднесоветской математики и связанных с ней дисциплин.

В конце 1960-х – начале 1970-х усиление борьбы советского режима с диссидентством и расширение политики государственного антисемитизма лишили многих математиков возможности учиться, публиковаться и работать в ведущих официальных учреждениях⁶. В ответ советские математики выработали ряд стратегий для преодоления этих препятствий. Благодаря местным инициативам, они существенно расширили сеть бесплатных кружков для школьников, организовали заочную математическую школу и многие новые специализированные

4 DOMORADZKI S., STAWISKA-FRIEDLAND M. *Transformation of the Warsaw Mathematical Community in the Aftermath of WWI* // VEČVÁŘOVÁ M. (Ed.). *The Development of Mathematics between the World Wars: Case Studies, Examples and Analyses*. London: World Scientific, 2021. С. 165–226.

5 GEROVITCH S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge: MIT Press, 2002; МАЙОФИС М., КУКУЛИН И. *Математические школы в СССР: генезис институции и типология утопий // Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)* / Ред. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 241–313.

6 SHIFMAN M. (Ed.). *You Failed Your Math Test, Comrade Einstein: Adventures and Misadventures of Young Mathematicians*. Singapore: World Scientific, 2005.

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

матшколы и матклассы, предоставляя талантливым ученикам глубокое математическое образование. Создали разветвленную систему математических соревнований, предоставившую наиболее одаренным школьникам шанс поступления в ведущие вузы. Открыли бесплатные вечерние курсы для молодых людей, которых специально завалили на вступительных экзаменах в ведущие вузы. Талантливым ученым, кому была закрыта возможность работы в области чистой математики, вместо этого подбирали должности в вычислительных центрах и отраслевых НИИ. Открытые исследовательские семинары стали площадками для распространения новых идей и сотрудничества математиков независимо от их возраста и занимаемой должности⁷.

Вся эта деятельность привела к образованию социальной инфраструктуры, которая существовала параллельно официальным институтам, иногда пересекаясь с ними, а иногда обеспечивая функциональную альтернативу. Несмотря на официальные рогатки и препоны, эта инфраструктура оказалась удивительно эффективна в поддержании активной деятельности научного сообщества и привела к воспитанию большой группы математиков мирового уровня, включая нескольких лауреатов медали Филдса и других престижных международных премий. Данная статья фокусируется на одном из ключевых элементов этой параллельной социальной инфраструктуры – на перенесении основных форм научной деятельности из официальных учреждений, куда был закрыт или затруднен доступ для многих математиков, в private пространства семейных квартир и дач.

ТРАДИЦИЯ НАУЧНЫХ КРУЖКОВ

Позднесоветская «параллельная математика» заимствовала уже имеющиеся формы неформальной самоорганизации ученых, которые в свою очередь опирались на более длительные российские традиции политических и культурных собраний, или «кружков». Согласно определению Даниила Александрова, кружок – это «группа лиц, собирающаяся вне официальных стен, связанная дружбой и общими постоянно дебатлируемыми интеллектуальными интересами вне, сверх и помимо официальных предписаний»⁸. Подобные кружки возникли в середине XIX века в условиях самодержавия, и научные дискуссии

7 GEROVITCH S. *Creative Discomfort: The Culture of the Gelfand Seminar at Moscow University* // LARVOR B. (Ed.). *Mathematical Cultures: The London Meetings 2012–2014*. Basel: Birkhäuser, 2016. P. 51–70; ИДЕМ. “We Teach Them to Be Free”: *Specialized Math Schools and the Cultivation of the Soviet Technical Intelligentsia* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 4. P. 717–754; Герович В. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // *Логос*. 2020. № 2. С. 93–128.

8 АЛЕКСАНДРОВ Д. *Указ. соч.* С. 7.

в них с самого начала сочетались с политическими дебатами и обретали полуподпольный характер. «“Кружковая” организация повседневности создавала и воспроизводила стереотипы, которыми до сих пор живут русские ученые», – утверждает Александров⁹. Литературные кружки, в свою очередь подрывали жесткие социальные иерархии и облегчали установление как горизонтальных сетевых связей, так и вертикальных отношений патронажа¹⁰.

Неформальные научные кружки обычно формировались вокруг харизматичного лидера, привлекавшего последователей к новой области науки, еще не признанной академической элитой и, следовательно, не имевшей институциональной ниши. Например, в 1910-е Пауль Эренфест и Абрам Иоффе организовали в Санкт-Петербурге кружок для изучения новой физической теории – теории относительности. Они встречались на частных квартирах или же в одной из аудиторий Физического института, но втайне от профессоров Петербургского университета, занимавших враждебную позицию по отношению к новой физике. Приватность встреч участников кружка обеспечивалась негласным правилом: войти в кружок можно было лишь по рекомендации кого-то из его членов¹¹.

Другой пример – генетический кружок биолога Сергея Четверикова, организованный в Москве в 1920-е. Шутливо названная «Соор» («Совместное орание» дрозофилистов), эта группа была известна своими оживленными дискуссиями и презрительным отношением к казенной атмосфере официальных академических мероприятий. Четвериков намеренно выбрал для встреч частное помещение, чтобы «соединить... и научность, и систематичность обсуждаемой тематики, сохраняя при этом все положительные стороны непринужденной беседы не в холодных стенах учреждения, а в уютной обстановке домашнего очага»¹². Указание на «холодные стены», возможно, относилось не только к низкой температуре неотапливаемых общественных помещений в послереволюционной Москве, но и к недоброжелательной атмосфере в советских научных учреждениях, где все более доминирующую позицию начинали занимать партийные активисты. Чтобы, как выразился Четвериков, «посторонние Соору люди не мешали горячему обсуждению», в кружке царил дух исключительности, и прием в него новых лиц осуществлялся лишь при согласии всех участников путем тайного

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

9 Там же.

10 WALKER B. *Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle: Culture and Survival in Revolutionary Times*. Bloomington: Indiana University Press, 2005.

11 ALEXANDROV D. *The Politics of Scientific 'Kruzhok': Study Circles in Russian Science and Their Transformation in the 1920s* // *На переломе. Советская биология в 20-30-х годах* / Ред. Э. Колчинский. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. Р. 262.

12 Цит. по: АЛЕКСАНДРОВ Д. *Указ. соч.* С. 8.

голосования. Конфликт между группой Четверикова и молодыми партийцами и профсоюзными работниками, в конце концов, привел к аресту Четверикова и роспуску его кружка¹³.

Физический кружок Эренфеста–Иоффе в Петербурге включал в себя нескольких математиков, что стимулировало интенсивный интеллектуальный обмен между этими дисциплинами и внесло вклад в развитие теории расширяющейся Вселенной Александра Фридмана¹⁴. Наиболее влиятельное неформальное сообщество российских математиков, однако, возникло в Москве. В конце 1910-х там зародилась «Лузитания» – кружок учеников харизматичного профессора Московского университета Николая Лузина¹⁵. Дискуссии в «Лузитании» выходили далеко за рамки математики и затрагивали широкий спектр культурных проблем. Участник кружка Павел Александров вспоминал:

«На этих еженедельных собраниях на дому у Н.Н. Лузина... сначала была математическая часть в кабинете Николая Николаевича, очень уютной комнате. [...] Никогда не забуду тех насыщенных самой живой математикой разговоров, которые тогда происходили. Эти разговоры иногда затягивались за полночь, но, когда бы они ни кончались, за ними следовал чай с неизменным очень вкусным ореховым тортом. За этим чаем – уже не в кабинете, а в столовой квартиры Лузиных – разговоры принимали другой, нематематический, характер и касались самых различных вопросов культурной и общественной жизни»¹⁶.

В середине 1930-х некоторые ученики Лузина (включая Александрова) восстали против своего учителя и начали против него кампанию, выдвинув политические обвинения. Лузин был уволен и «Лузитания» распалась. Несколькими годами ранее другой популярный преподаватель и лидер Московской математической школы Дмитрий Егоров был арестован по сфабрикованному обвинению и вскоре умер в ссылке. Сама идея близкого общения профессоров и студентов вне учебных аудиторий стала выглядеть политически подозрительной¹⁷. Позднее, в 1956 году, Александров публично признал, что эта разделительная тенденция зашла слишком далеко:

«[Н]ужно, чтобы была прекращена та отчужденность между профессорами и студентами, которая существовала до революции, ко-

13 Там же.

14 ALEXANDROV D. *Op. cit.* P. 263.

15 Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. *Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве*. СПб.: ЕУ СПб, 2011. Гл. 6 («Лузитания» и ее последствия).

16 Александров П. *Лузинская математическая школа* // Квант. 1977. № 10. С. 20.

17 Демидов С. *Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имяславие в России в первой трети XX столетия* // Историко-математические исследования. 1999. № 4(39). С. 123–155; *Дело академика Николая Николаевича Лузина* / Ред. С. Демидов, Б. Левшин. СПб.: РХГИ, 1999; Ford C. *Dmitrii Egorov: Mathematics and Religion in Moscow* // *The Mathematical Intelligencer*. 1991. Vol. 13. № 2. С. 24–30.

торая совершенно исчезла в первые послереволюционные годы и которая вновь возникла теперь.

Студенты объединялись в семинарах – Лузина, в моих семинарах, в семинарах Колмогорова, Тихонова и т.д. И эта большая группа студентов во главе с руководителем семинара, они образовывали коллектив. [...] Потом это совершенно прекратилось, объединение профессоров со студентами не поощрялось. Не рекомендовались посещения на дому, что было введено Д.Ф. Егоровым. Вместо этого произошло разделение студентов по группам»¹⁸.

Академическое начальство стало рассматривать частные кружки как угрозу идеологическому контролю. Математика Алексея Ляпунова, организовавшего в середине 1950-х домашний кружок по изучению генетики, подвергли суровой проработке на партийном собрании по месту его работы – в отделении прикладной математики Академии наук СССР. Директор отделения Мстислав Келдыш заявил: «Ошибка т. Ляпунова состоит в том, что он нарушил партийную этику, т.е. проводил занятия кружка молодежи у себя дома, вне контроля общественных организаций»¹⁹.

В конце 1960-х, с усилением давления на математическое общество из-за административных ограничений для «нежелательных» групп, в частности, диссидентов и евреев, сообщество обратилось к неформальной самоорганизации, знакомой многим математикам с юношеских времен, чтобы обойти барьеры, воздвигаемые в официальных учреждениях. В результате математическая деятельность начала сдвигаться из публичной сферы в «приватно-публичную» – в математические кружки, факультативы, неформальные семинары – или даже в сугубо приватную: на кухни частных квартир или на загородные дачи. Вместо того, чтобы быть местом отдыха от рабочих обязанностей, для многих математиков кухня или дача стали основным рабочим местом, где они вели исследования, встречались с учениками и обменивались идеями с коллегами.

МАТЕМАТИКА НА КУХНЕ

Советские математики часто встречались со своими учениками и соавторами у себя на квартире по самым разным причинам. Простейшая из них – недостаток рабочих кабинетов в научных учреждениях. Парадоксальным образом приход на работу в переполненное помещение приводил к тому, что ни-

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

18 Стенограмма общего собрания профессоров МГУ, 26 октября 1956 г. Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 415. Л. 19.

19 Протокол заседания партбюро ОПМ МИАН, 27 сентября 1956 г. Центральный архив общественных движений Москвы. Ф. 8033. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

какую работу сделать не удавалось; многие ученые более продуктивно занимались в спокойных домашних условиях. Математик Андрей Зелевинский объяснял это так:

«На службу никто почти не ходил, потому что там было очень плохо с офисным пространством. Это и мне потом было знакомо. Я работал в академическом институте. На службу ходили тогда, когда начальство звонит и говорит, что будет какая-то проверка; все чтоб приходили и были на своих рабочих местах. И тогда рабочих мест не хватало, потому что помещения всегда не хватало, и была просто какая-то толкучка. То есть те, кто хотел работать, всегда работали дома»²⁰.

Зелевинский писал диссертацию под руководством Иосифа Бернштейна, работавшего тогда в Межфакультетской лаборатории математических методов в биологии МГУ. Заодно с генетикой математическая биология нашла себе институциональную нишу под флагом биологической кибернетики и предоставила убежище небольшому числу «чистых» математиков, кого не брали на работу в учреждения, контролируемые математическим истеблишментом. Их шаткий статус в биологической лаборатории не обеспечивал им полноценного рабочего места. «С Иосифом [Бернштейном] как работали? Ведь у него не было официальной позиции нигде. Дома у него работали – где же еще?» – вспоминал Зелевинский²¹. Хотя официальным научным руководителем Зелевинского был профессор мехмата МГУ Александр Кириллов, неформальное руководство безо всякой оплаты осуществлял Бернштейн.

Помимо недостатка офисного пространства, другим важным фактором, благодаря которому математики предпочитали встречаться с учениками на своих квартирах, была приватная обстановка. Например, Дмитрий (Давид) Каждан, еще один сотрудник Межфакультетской лаборатории, так же не имевший там рабочего места, организовал у себя дома математический семинар. «Удобнее было это делать дома, – вспоминал один из участников семинара, – поскольку он не хотел, чтобы много людей участвовало – такой неофициальный семинар»²².

Бернштейн и Каждан получили работу в Межфакультетской лаборатории благодаря усилиям выдающегося математика Израиля Гельфанда – влиятельного лидера и покровителя научного сообщества, руководителя отдела Института прикладной математики и члена-корреспондента Академии наук. Работая над важными оборонными проектами, он обзавелся полезны-

20 ЗЕЛЕВИНСКИЙ А. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 21 мая 2011 года (архив автора).

21 Там же. О советской биологической кибернетике см.: ГЕРОВИЧ С. *From Newspeak to Cyberspeak...* P. 211–214.

22 ДРИНФЕЛЬД В. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 31 августа 2013 года (архив автора).

ми связями и приобрел влияние, позволившее ему создать целую сеть подобных нишевых лабораторий, чтобы давать работу «нежелательным» еврейским ученым, у которых не было возможности получить место в академическом институте. В то же время, работая в закрытом учреждении, он не имел возможности встречаться с учениками и соавторами у себя на работе. Вместо этого, он превратил свою квартиру в своеобразный рабочий кабинет. Его ученик Илья Захаревич вспоминает:

«У Гельфанда такая маленькая трехкомнатная квартирка и кухня. Если [жены и дочери] нет дома, то у него обычно бывает еще четыре соавтора, три в комнатах и один на кухне. Гельфанд идет на кухню, например, где я сижу, и мы минут 35 обсуждаем затыки в нашей теории, и, когда я уже совершенно без сил и ничего не соображаю, он переходит в другую комнату и продолжает со следующим человеком. Часа полтора я отхожу от такого интенсивного занятия наукой и что-то начинаю понимать немножко в тех местах, которые мы обсуждали. За это время он проходит круг, и возвращается ко мне, свеженький как огурчик, и идет следующий круг, и так за вечер круга три проходит»²³.

Некоторые математики вынуждены были работать из дома просто потому, что потеряли работу из-за своей диссидентской деятельности или намерения эмигрировать из СССР. В 1968 году видный математик Илья Пятецкий-Шапиро лишился работы в МГУ из-за подписи под письмом протеста, а в 1974-м был уволен из Института прикладной математики из-за намерения эмигрировать. В результате он мог руководить работами своих учеников лишь неформально. Будущий филдсовский лауреат Григорий Маргулис регулярно встречался с ним с конца 1960-х до момента эмиграции Пятецкого-Шапиро в 1976 году²⁴. Другой будущий филдсовский медалист, Владимир Дринфельд, вспоминал:

«Формально я был учеником [профессора МГУ Юрия] Манина. [...] Чтобы [теорию автоморфных форм] понять, нужен был живой человек, который это уже в какой-то степени понял. Таким человеком оказался Илья Иосифович Пятецкий-Шапиро. [...] В какой-то момент его уволили из университета... ни для него, ни для меня не было существенным, чтобы это взаимодействие с ним было оформлено»²⁵.

Встречи с иностранными визитерами в официальных учреждениях требовали специального разрешения. Чтобы избежать таких сложностей, многие математики предпочитали разгова-

23 ЗАХАРЕВИЧ И. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 19 мая 2012 года (архив автора).

24 МАРГУЛИС Г. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 31 августа 2013 года (архив автора).

25 ДРИНФЕЛЬД В. *Указ. соч.*

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

ривать с приезжающими в СССР зарубежными коллегами в частной обстановке – в своих квартирах или во время прогулок. Ленинградский математик Анатолий Вершик рассказывал:

«Приехал в Москву известный американский математик [Пауль Халмош. – С. Г.] как гость Академии наук и захотел поехать в Ленинград посетить семинар Рохлина. В.А. Рохлин попросил меня этим заняться, и все было организовано. Пришли на доклад сотни две человек, и все, казалось, нормально. Но, когда руководство университета узнало, что в университете был семинар, на котором американский ученый выступал без университетского разрешения, декан устроил ничего не подозревавшему Владимиру Абрамовичу скандал – оказывается, нельзя приглашать без спроса гостя Академии в университет! Для этого требуется предварительное решение известных служб. Интересно, что этот американец в своих воспоминаниях с удивлением пишет о странной неразговорчивости русских математиков и о том, что они предпочитали беседовать с ним не в зданиях, а гуляя по улице. Он так и не понял нашей жизни»²⁶.

Интервью и мемуары превращают события прошлого в складные истории; они часто окрашивают воспоминания ностальгией, в них иногда путаются детали (в данном случае Халмош не писал о «странной неразговорчивости» в своих мемуарах, а рассказывал об этом Вершику в частной беседе)²⁷. Но если в коллективной памяти профессионального сообщества в широком спектре источников возникают одни и те же темы, то эти «мифологии» начинают формировать самосознание членов сообщества²⁸.

Любопытно, что Халмош, видимо, настолько проникся этой перипатетической манерой математических обсуждений, что сделал из нее правило для краткого и ясного математического письма: «Вообразите, будто бы рассказываете все другу на какой-нибудь долгой лесной прогулке и у вас нет бумаги. Прибегайте к обозначениям только тогда, когда это необходимо»²⁹.

Встречаясь на частных квартирах, математики часто собирались на кухне, в неформальной обстановке, нередко сочетая математические разговоры с едой и выпивкой. Американский математик Роберт Макферсон, начиная с 1970-х часто приезжавший в Москву, вспоминает:

«Никаких рабочих кабинетов не было. [...] Люди собирались вокруг кухонного стола. Кухонные столы в Москве – самые гостепри-

26 ВЕРШИК А. *Как прорастает математика* // Polit.ru. 2013. 18 марта (<http://polit.ru/article/2013/03/18/vershik2/>).

27 HALMOS P. *I Want To Be a Mathematician: An Autobiography*. New York: Springer, 1985; ВЕРШИК А. Интервью онлайн, 10 февраля 2024 года (архив автора).

28 GEROVITCH S. *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

29 Халмош П. *Как писать математические тексты* // Успехи математических наук. 1971. Т. 26. № 5. С. 262.

имные места на земле. Всю вторую половину дня ты занимаешься за этим столом математикой, а потом наступает время ужина, и начинается этот невероятный русский пир, который трудно описать. Выставляется штук двадцать небольших блюд, каждое из которых – просто объедение. [...] Настроение сразу поднимается, разливают водку. [...] В каждой квартире был кухонный стол, и обычно это единственный стол в доме, за которым можно заниматься математикой, и именно за ним мы и занимались. Это очень дружеское место, очень теплое место. [...] С точки зрения общения и математики, это был суший рай»³⁰.

Данный феномен получил распространение далеко за пределами математики. Уход в частную сферу для уклонения от идеологического контроля оказался типичной, хотя и не всегда успешной, стратегией как в Советском Союзе, так и в странах Центральной и Восточной Европы³¹. В позднесоветский период кухни в домах интеллигенции приобрели особый мифологический статус. Песенный цикл Юлия Кима «Московские кухни» канонизировал этот образ как места свободомыслия, где «чай да сахар, да пища духовная»³².

«Кухня новой, односемейной квартиры была впоследствии мифологизирована как сердце “приватной” домашней жизни и уникальное место подлинных социальных связей; ее представляли себе как свободную от идеологии зону искренности и спонтанности, где можно было оставить за дверью все двуличие публичной жизни и окунуться в доверительный полуночный разговор»³³.

Мемуары ученых советской эпохи усеяны ностальгическими воспоминаниями об обстановке свободомыслия во время кухонных посиделок:

«Домашние семинары, составлявшие львиную долю самых интересных университетских (и не только) занятий в позднесоветскую эпоху, до конца 1980-х имели то преимущество, что на кухне можно было говорить о том, о чем не скажешь в аудитории даже при закрытой двери»³⁴.

Хотя подобные соображения были важнее для гуманитариев, чем для математиков, последние тоже любили поговорить неформально на более широкие темы, которые потенциально могли доставить им неприятности с властями. Например,

30 MACPHERSON R. *Interview by Robert L Bryant, May 30, 2012* (https://simonsfoundation.org/science_lives_video/robert-d-macpherson).

31 CROWLEY D., REID S. (Eds.). *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford: Berg, 2002.

32 КИМ Ю. *Сочинения*. М.: Локид, 2000. С. 286.

33 REID S. *The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution* // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40. № 2. P. 289.

34 ИВАНОВА Ю. *О своем учителе* // *Поколения ВШЭ. Ученики об учителях* / Ред. М. Юдкевич, Ю. Иванова и др. М.: ВШЭ, 2013. С. 60.

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

в 1968 году специалист по математической логике Сергей Маслов организовал междисциплинарный семинар по «общей теории систем» в Ленинградском университете, быстро вышедший за пределы изначального маленького кружка математиков. В итоге через несколько лет семинар переехал на квартиру Маслова, где сопровождался «теплым общением участников, подогреваемым непременно чаем»³⁵. Один из участников вспоминал:

«Круг рассматриваемых на семинаре тем был широк – от становления цивилизации Междуречья до почвенничества Достоевского, от теории эволюции Дарвина до расстановки сил в Политбюро ЦК КПСС 1970-х. Обсуждались проблемы литературы, искусства, философии, религии и многое другое. Запретных тем не было. Выступавшие говорили без оглядки на политическую цензуру, не прибегая к эзопову языку, на котором нередко изъяснялась в те годы интеллигенция»³⁶.

Уход в частную сферу для уклонения от идеологического контроля оказался типичной, хотя и не всегда успешной, стратегией как в Советском Союзе, так и в странах Центральной и Восточной Европы. В позднесоветский период кухни в домах интеллигенции приобрели особый мифологический статус.

ДАЧНАЯ МАТЕМАТИКА

Загородные летние дачи тоже часто становились местом регулярных встреч для математических занятий вне официальных институтов. В русской культуре дачи традиционно служили местом «восстановления духовных сил после тягот городской жизни, неформального дружеского общения, а также интенсивного интеллектуального и художественного творчества»³⁷.

Летняя дача была одной из привилегий, дарованных академической элите советским государством, чтобы добиться лояльности научно-технической интеллигенции. Первые дачи для академиков были построены на Николиной Горе, под Москвой, еще в середине 1920-х. В октябре 1945 года Совнарком из-

35 Давыдова И. *Воспоминания о С.Ю. Маслове и его семинаре* // МАТМЕХ ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Ред. Д. Эпштейн, Я. Шапиро, С. Иванов. СПб.: Копи-Р Групп, 2011. С. 147.

36 Долинин В. «Сумма» в контексте самиздата // «Сумма» за свободную мысль / Ред. А. Вершик. СПб.: Звезда, 2002. С. 26–27.

37 Lovell S. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 23.

дал постановление «О строительстве дач для действительных членов Академии наук СССР». Подписанный Сталиным документ предписывал построить для академиков за счет государства до 15 июня 1946 года 150 индивидуальных дач: 125 под Москвой и 25 под Ленинградом. После завершения строительства почти все они были безвозмездно переданы в личную собственность академикам³⁸.

К концу советского периода число дач в трех элитных подмосковных поселках – Луцино, Мозжинка и Абрамцево – выросло со 125 до 184; новые дачные комплексы были построены в Новодарьине (180 дач) и в Жуковке. В частности, после успешного испытания первой советской атомной бомбы в 1949 году дачами в Жуковке была награждена большая группа ведущих ядерных физиков и математиков, включая Николая Доллежала, Мстислава Келдыша, Юлия Харитона, Исаака Кикоина и Андрея Сахарова. Историк Евгения Долгова отмечает:

«[В] советской системе привилегий с ее весьма специфичными механизмами распределения и закрепления собственности обладание дачей превращалось в частный, но, возможно, самый показательный инструмент поощрительных, стратификационных, контролируемых практик советской модели управления наукой, построенной на манипулировании привилегиями, создании различий внутри научного сообщества, имущественной иерархии»³⁹.

Семьи многих профессоров мехмата МГУ проводили лето на дачах на Николиной Горе. Математик Владимир Арнольд вспоминал:

«Гораздо большее влияние оказало на меня то, что в течение более десяти лет мы ежегодно жили рядом на даче на Николиной Горе и часами разговаривали обо всем на свете, обычно гуляя по берегу Москвы-реки, часто в окружении других жителей Заречья – Ефимовых, Шиловых, Шура-Бура, Якобсонов, Кушниренко, Поманских. Синай приезжал с канистрой за водой, так как в соседнем Новодарьине тогда не было водопровода. [...] Берег Москвы-реки на Николиной Горе делался летом своеобразным филиалом мехмата»⁴⁰.

Математики старшего поколения часто приглашали своих учеников и коллег к себе на дачу. Например, два крупнейших математика – Андрей Колмогоров и Павел Александров – круглый год проводили большую часть времени на своих дачах в Комаровке, возвращаясь в Москву лишь на два–три дня в неделю

38 Долгова Е. *Дачи для академиков: практики распределения и организация пространства, 1930–1980-е гг.* // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 152.

39 Там же. С. 162.

40 Арнольд В. *О Владимире Абрамовиче Рохлине* // В.А. Рохлин. *Избранные работы. Воспоминания о В.А. Рохлине. Материалы к биографии* / Ред. А. Вершик. М.: МЦНМО, 2010. С. 505.

для преподавания и выполнения других неизбежных обязанностей⁴¹. Они регулярно принимали целые группы аспирантов, проводивших у них на даче по нескольку дней. Дневные занятия математикой перемежались спортивными упражнениями, а вечера были заполнены культурными мероприятиями. Колмогоров вспоминал:

«В период расцвета Комаровского дома число гостей за обеденным столом после лыжного бега достигало 15 человек.

Примерный распорядок дня в Комаровке был такой. Завтрак в 8–9 часов. Умственная работа – с 9 до 2. Второй завтрак – около 2. Лыжный пробег или пешеходная прогулка – с 3 до 5. В период наиболее строгой организованности – предобеденный сон в течение 40 минут. Обед – в 5–6 часов. Потом – чтение, музыка, беседы на научные и общие темы. В самом конце – короткая вечерняя прогулка, особенно – в лунные зимние ночи. Сон в 10–11 часов.

Весь этот распорядок нарушался в двух случаях: а) когда научные поиски становились азартными и требовали неограниченного времени и б) в солнечные мартовские дни, когда лыжные прогулки делались единственным занятием»⁴².

В отличие от академической элиты, как правило, владевшей подаренными им государством дачами, простые ученые обычно лишь снимали дачи на летний сезон, часто – неподалеку друг от друга, используя эту возможность для создания неформального сообщества на лето. В то время, как для элиты дачи были приятным довеском к той власти и влиянию, которыми они пользовались на своих официальных должностях, для простых ученых, в особенности тех, кому был заказан доступ в ведущие научные учреждения из-за их национальности или диссидентской деятельности, летние дачи превращались в места активного научного обмена и сотрудничества.

Математик Марк Граев, которому было отказано в преподавании в МГУ, однажды встретил на соседской даче молодого математика, и их случайный разговор привел к написанию статьи, опубликованной в ведущем журнале⁴³. Другой математик, Владимир Ретах, вспоминает:

«Подружились мы [с Андреем Зелевинским] в Кратове, где снимали дачи на лето. Там же жил мой близкий друг Боря Фейгин. Мы все время что-то обсуждали. Тогда же, на даче, мы сделали нашу единственную совместную работу»⁴⁴.

41 Успенский В. *Колмогоров, каким я его помню* // *Колмогоров в воспоминаниях учеников* / Ред. А. Ширяев. М.: МЦНМО, 2006. С. 275.

42 HALMOS P. *Op. cit.* P. 310; КОЛМОГОРОВ А. *Воспоминания о П.С. Александрове* // *Успехи математических наук*. 1986. Т. 41. № 6. С. 194.

43 Демидович В. *Интервью с М.И. Граевым* // *Семь искусств*. 2016. № 4(73) (<https://7iskusstv.com/2016/Number4/Demidovich1.php>).

44 РЕТАХ В. *Воспоминания об А.В. Зелевинском*. 2013 (<https://sites.math.rutgers.edu/~vretakh/andrei.pdf>).

Все трое были сильными математиками, но ни один из них не имел академической позиции в официальных математических учреждениях. Зелевинский работал в Институте физики Земли, Ретах – в ЦНИИ Промзданий Госстроя, а Фейгин трудился программистом. Свои математические работы мирового уровня они делали в свободное от основной работы время, не получая за это никакого вознаграждения.

Для советской интеллигенции дачи служили частным убежищем от норм и условностей общественной жизни:

«Дачная жизнь связана с эскапизмом и отношениями граждан с государством. За городом москвичи ощущают себя самодостаточными. Там их не затрагивают политические столкновения и бюрократические препоны, которые наполняют их повседневную жизнь»⁴⁵.

«Дача – это санкция на некоторую приватность в условиях обобществления почти тотального. Это был поход из жизни общественной в частную. Дача – это не столько второе жилище горожанина, сколько увольнительная заключенного, что и делает ее советским феноменом»⁴⁶.

МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ПРИВАТНЫМ

Для анализа переноса математической деятельности из официальной обстановки в частные пространства кухонь и дач необходима новая концептуальная оптика, выходящая за пределы знакомых бинарных оппозиций – частное/общественное, индивидуальное/коллективное и открытое/закрытое. В советском контексте, однако, эти оппозиции и так выглядят довольно проблематично. В типичной обстановке коммунальной квартиры или дачи уже обнаруживаются напряженные отношения между публичным и частным. В коммунальной квартире была возможна лишь «публичная частность», утверждает историк Стивен Ловелл:

«Если же обратиться к феномену позднесоветской дачи, то можно перевернуть эту формулировку и утверждать, что для садовых поселков была характерна более мягкая форма “частной публичности”»⁴⁷.

Историки и социологи предложили несколько понятий и моделей для того, чтобы описать размытость границы между публичным и частным в советском контексте. Елена Зубкова пишет:

45 CALDWELL M. *Not by Bread Alone: Social Support in the New Russia*. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 126.

46 ЗАБЕЛЬШАНСКИЙ Г. *Дача* // Проект Россия. 1998. № 9 (<https://prorus.ru/interviews/dacha>).

47 LOVELL S. *Soviet Exurbia: Dachas in Postwar Russia* // CROWLEY D., REID S. (Eds.). *Op. cit.* P. 119.

«Кухни» и «хаты», клубные кафе и «компании» 1950–1960-х гг., даже самиздатское сообщество – все это специфически советское выражение неформальной публичности, оппонирующей публичности официальной. [...]

Неформальная публичная сфера выступает в роли медиума и одновременно пограничного пространства между зоной официальной публичности и приватной сферой, и поэтому она может быть определена как «приватно-публичная сфера». В отличие от западных обществ, где граница между публичной и частной сферами достаточно строго обозначена и охраняется, в том числе юридической нормой, в советском обществе эти границы оказывались проницаемыми, причем, как правило, в одном направлении, когда официальная публичность в лице «общественности» или государства безапелляционно вторгались на территорию индивида»⁴⁸.

В рамках данной модели, случай «параллельной математики» выглядит особенно любопытно, ибо здесь направление пересечения границы меняется на противоположное: частная сфера, по сути дела, расширяется и включает в себя ученые занятия, ранее принадлежавшие сфере публичной. Два противоположных процесса – вторжение публичной сферы в приватную и расширение приватной сферы на область публичного – идут одновременно, подгоняя друг друга.

Другие исследователи описывали размытую границу между публичным и приватным в советском обществе в похожих гибридных терминах. Ингрид Освальд и Виктор Воронков писали о «приватно-публичной» или «второй» публичной сфере, регулируемой «неформальным правом обычая» и связанной с феноменом «интеллигентской кухни», где «обсуждалось практически все»⁴⁹.

Алексей Юрчак, напротив, критикует модель, четко разделяющую советскую повседневность на две сферы – «публичную» и «приватно-публичную», – где первая регулируется «писаными законами и правилами власти», а вторая – «неписаными культурными устоями и соглашениями»:

«В этой модели отрицается наличие в советской повседневности некой единой публичной сферы. Однако проблема такого подхода в том, что в позднесоветском обществе существовало множество публик, природа которых не определялась принципами публичности или приватно-публичности, они могли одновременно пере-

48 Зубкова Е. *Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения* // Российская история. 2011. № 3. С. 160–161.

49 Воронков В. *Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России* / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 192–194; см. также: OSWALD I., VORONKOV V. *The "Public-Private" Sphere in Soviet and Post-Soviet Society. Perception and Dynamics of "Public" and "Private" in Contemporary Russia* // European Societies. 2004. Vol. 6. № 1. P. 97–117.

секать обе эти “публичные сферы”. [...] Вообще понятие *публичности* в советском контексте постоянно подвергалось процессу *детерриториализации*, в результате которого имеет смысл говорить не о советской “публичной сфере”, которую якобы можно противопоставить “приватной сфере”, а об огромном множестве детерриторизованных *публик своих*, к которым относились советские граждане»⁵⁰.

Недавние исследования показывают, как на неофициальных домашних собраниях писателей и художников в Советском Союзе в 1950–1960-е возникали «альтернативные режимы публичности», приспособленные для неподцензурного культурного производства. Не имея возможности участвовать в официальных организациях, публикациях и выставках, эти интеллектуалы самоорганизовывались в группы, что облегчало активную социализацию, обмен идеями и взаимодействие с официальными институтами через кулуарные переговоры («бэкстейджи») ⁵¹. Организаторы таких собраний нередко служили «культурными менеджерами и агентами-посредниками» между официальными институтами и неформальными группами, становясь проводниками «взаимовлияни[я] по-разному институционализированных форм литературной коммуникации в позднем СССР, не всегда вписывающихся в дихотомическое разделение “официального” и “неофициального”»⁵².

Понятие «параллельной социальной инфраструктуры» советской математики вписывается в тот же аналитический контекст⁵³. Вместо того, чтобы рассматривать частные инициативы математиков в качестве полноценной альтернативы официальной научной инфраструктуре, более продуктивно говорить об их постоянном динамическом взаимодействии с официальными институтами в отношениях «напряженной взаимозависимости». Формальные структуры и неформальные механизмы не функционировали по отдельности; они зависели друг от друга для эффективной работы. Ученые, принадлежавшие к научной элите, также использовали приватные встречи на даче для продвижения своих интересов – например, для обеспечения желательного исхода академических выборов или положительного исхода защиты диссертации. Неформальные собрания «парал-

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

50 Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 252.

51 *Домашние интеллектуальные собрания позднесоветского времени* [сост. И. Кукулин] // Новое литературное обозрение. 2022. № 1(173). С. 122–172; Кукулин И., Майофис М., Четверикова М. *Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР* // Новое литературное обозрение. 2022. № 2(174). С. 81–101; № 3(175). С. 190–228; *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России* / Сост. М. Велижев, Т. Атнашев, Т. Вайзер. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

52 Луккин М. *Домашние собрания, социальные сети и биографическая стратегия А.Г. Громовой (1916–1981)* // Новое литературное обозрение. 2022. № 1(173). С. 135.

53 Герович В. *Указ. соч.*

лельной математики» также могли проходить вечерами в пустующих аудиториях официальных учреждений.

Междисциплинарные инициативы тоже зачастую находили для себя нишу в полуприватных пространствах. Например, первая Школа по моделированию сложных биологических систем была проведена в 1973 году в академическом дачном поселке Мозжинке.

«Именно за пределами официальных структур, в коммуникативном пространстве самых разнообразных научных интересов возникали возможности для обсуждения и реализации межинституциональных и междисциплинарных проектов»⁵⁴.

Взаимозависимость двух социальных инфраструктур привела к тому, что они оказались гораздо более сходными, чем можно было ожидать. В итоге «параллельная математика» отчасти воспроизводила некоторые особенности системы, для противостояния которой она была создана.

ДАЧНЫЙ ХАРАКТЕР СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

Развиваясь в полуприватных условиях, «параллельная математика» обрела многие черты, привлекавших к ней ученых, но в результате возникла особая культура кружковой избранности. Платой за независимость была самоизоляция; отбор по способностям вел к культивированию духа исключительности. Свобода от институциональных ограничений означала и отсутствие институциональных гарантий: системные механизмы дискриминации были устранены, но их сменила произвольность частного приглашения на кружок. Григорий Маргулис отмечал:

«“Кружковость” склонна к вырождению. Скажем, были у какого-то выдающегося математика ученики, у этих учеников – свои ученики, но постепенно сообщество замыкается, люди со стороны не приходят, и творчество в “кружке” угасает»⁵⁵.

В мире «параллельной математики» бюрократическая иерархия была заменена на непререкаемый личный авторитет харизматичных лидеров. В то время, как неформальные собрания писателей и художников сравнивают с ризомой – оплетенной запутанными связями структурой без ясной иерархии и единого центра⁵⁶, – математики обычно формировали группы вокруг

⁵⁴ Долгова Е. *Указ. соч.* С. 160.

⁵⁵ Маргулис Г. *Мне не дали почивать на лаврах* // Огонек. 2016. 7 ноября (www.kommersant.ru/doc/3131344).

⁵⁶ Борис Гройс, цит. по: Белугина А. *Семинар М. Шейнкера и А. Чачко и институт эстетических дискуссий в неофициальной советской культуре 1970–1980-х годов* // Новое литературное обозрение. 2022. № 1(173). С. 164.

признанных лидеров, часто сочетавших огромный интеллектуальный авторитет с немалыми административными возможностями. В результате усилия исследователей зачастую концентрировались в областях, приоритетных для этих лидеров. Гельфанд, например, пользовался значительным влиянием в официальном мире и еще бóльшим – в рамках параллельной социальной инфраструктуры. Его ученики и соавторы зачастую сильно зависели от него при поиске работы и в других делах. От них требовались немалые усилия, чтобы добиться независимости и настоять на собственной научной программе. Некоторые так и остались в его тени и не смогли вести самостоятельные исследования⁵⁷.

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

«Параллельная математика» отчасти воспроизводила некоторые особенности системы, для противостояния которой она была создана. Платой за независимость была самоизоляция; отбор по способностям вел к культивированию духа исключительности. Свобода от институциональных ограничений означала и отсутствие институциональных гарантий.»

Вместо формального статуса наиболее важным оказалось наличие неформальных связей. Необходимо стало выстраивать сеть знакомств, через которые можно было получить доступ в эксклюзивный неформальный кружок. Культивирование дружеских отношений среди соавторов приводило к размыванию границы между рабочим и личным. «Одомашнивание» рабочих отношений зачастую усугубляло гендерное неравенство, когда супруги рутинно исключались из профессионального общения. Профессорских жен нередко хвалят в мемуарах за поддержание «единственного культа» их знаменитого мужа-математика⁵⁸.

Интересно сравнить роль дач в советской математике с тем, что американский историк Давид Кайзер назвал «пригородным характером американской физики» в послевоенные годы. С ростом численности аспирантуры по физике, более широким вовлечением физиков в прикладные исследования и растущей привлекательностью потребительского образа жизни, замечает Кайзер, физики стали в массовом порядке покупать частные дома в пригородах, все более и более отчуждаясь от своих коллег. Физики старшего поколения стали поговаривать о потере

57 GEROVITCH S. *Creative Discomfort...*

58 БОБРЫНИНА Т. *Мудрость математика // Профессор. Книга воспоминаний о Я.И. Хургине / Сост. И. Хургина, П. ЧЕБОТАРЕВ. М.: Медиаколор, 2019. С. 176.*

дружелюбия, близости и тесного контакта, нередко обвиняя младшее поколение в том, что оно рассматривает занятие физикой как обычную работу, а не призвание⁵⁹.

Если американский пригород стал эмблемой человеческого отчуждения и безудержного потребления, советская дача в послевоенный период воплотила идею освобождения от городской рутины, вольного образа жизни и дружеской компании. Но вместо того, чтобы быть местом отдыха от рабочих обязанностей, для многих математиков дача стала основным рабочим местом, где они трудились над задачами, встречались с учениками и обменивались идеями с коллегами.

Перефразируя лозунг американских феминисток 1970-х «Личное – это политическое», можно сказать, что многие советские математики в те же годы придерживались принципа «Математика – это личное». Многие из них не получали зарплату за занятия «чистой» математикой; им приходилось зарабатывать другими занятиями. Посвящая свое свободное время математике, они ощущали себя частью сообщества единомышленников; тем самым их исследования обретали смысл. По словам Роберта Макферсона, «хорошие математики занимались этим как хобби, а не потому, что им платили»⁶⁰.

Этот феномен можно назвать «дачным характером советской математики». Возникло сообщество, для которого преданность математике выходила далеко за рамки формальных рабочих обязанностей и требований вузовского обучения. Для этого сообщества математика стала своеобразным «образом жизни», источником воодушевления, приносившим немалое вознаграждение. Но это была не обычная награда в виде высокого формального статуса, институциональной карьеры или материального достатка, а достижение иного рода – обретение высокой репутации среди коллег, тесно связанных с мировым математическим сообществом. Кухня и дача были убежищем от официальных ограничений и одновременно – порталом в интернациональный мир математики.

59 KAISER D. *The Postwar Suburbanization of American Physics* // *American Quarterly*. 2004. Vol. 56. P. 851–888.

60 MACPHERSON R. *Op. cit.*